

Дж. Сартори

* Так названа одна из глав книги Джованни Сартори "Пересматривая теорию демократии" (Sartori G The Theory of Democracy Revised. Chatham House Publishers, Inc., Chatham House, N J., 1987. Part One The Contemporary Debate. XIV, 253 p.; Part Two. The Classical Issues. 542 p.). Мы публикуем из этой главы лишь два небольших отрывка. В них, как нам кажется, ярко выступает пафос не только всей книги, но в значительной мере, пожалуй, и всего творчества автора, который принадлежит ныне к числу крупнейших американских политологов-теоретиков.

Научная деятельность Сартори начиналась на родине, в Италии. В 50 — 70-е годы он был одним из лидеров "флорентийской школы" политических исследований. С 1976 г. ученый живет и работает в США, где он возглавил кафедру социологии политики Стэнфордского университета. Его теоретические труды, в том числе и представляемая нами книга, — весьма заметное явление научной жизни, и не только Америки. Редакция журнала, стремясь содействовать выяснению потенциального спроса отечественного читателя на наиболее значительные произведения современной политологической литературы, в данном случае учитывает и то, что в издательстве "Прогресс" рассматривается возможность выпуска книги в русском переводе. — Ред.

МЕНЬШИНСТВА И ЭЛИТЫ

Уже довольно нами сказано о "большинстве" — во всем множестве вкладываемых в этот термин смыслов. Пора теперь заняться "меньшинством" — и не только множеством смыслов термина, но и переизбыточностью [реальных] обозначений: политический класс, правящий (господствующий) класс, элита (элиты), властвующая элита, правящая элита, руководящие меньшинства, руководство и ряд других. Это обилие наименований никоим образом не означает, будто термин "меньшинство" обладает (по сравнению с "большинством") тем преимуществом, что каждому его смысловому значению соответствует одно имя. Наоборот, богатство наименований лишь добавило путаницу к сумятице: "Различными названиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и различные концепты обозначаются одним и тем же названием" (Zuckerman A. The Concept "Political Elite": Lessons from Mosca and Pareto. — "Journal of Politics" 39 (1977): 327).

Приступая к наведению порядка, заметим для начала, что все вышеприведенные выражения относятся к той или иной конкретной меньшей части, а не к "меньшинству" как артефакту демократических процедур (такому, например, как проигравшая на выборах часть голосующего населения, или меньшая часть парламента) Далее. Когда политический аналитик обращается к исследованию вертикальной демократии, его интересует не всякое возможное реальное меньшинство, а лишь такое, которое складывается в ту или иную контролируемую группу. Разумеется, религиозные, этнические, языковые и иные меньшинства играют важную роль в политике; но значимость в функционировании вертикальной демократии они приобретают лишь в том случае, если выступают в качестве политической контролирующей группы. Итак, объект нашего исследования мы можем обрисовать следующим образом: это — мера и характер (modality) политической контролирующей власти, коей обладают группы численностью менее половины того социума (universe), в отношении которого такая власть осуществляется. Нет нужды говорить, что ресурсы политической власти могут быть неполитическими (экономическими или иными). Необходимо в связи с этим иметь в виду, что контролирующая власть является политической в том случае, когда ее ресурсной базой служит политическая инстанция (office), и/или во всех случаях, когда она действует через каналы политики и влияет на решения тех, кто делает политику (...)

Еще одно упреждающее замечание касается разницы между вопросами: "что такое контролирующее меньшинство?" и "кто принадлежит к контролируемому меньшинству?" Первый вопрос выводит на концептуальную проблему, второй — на эмпирическую. Концептуальная задача — выработать определение "контролирующих групп", имея в виду их характеристики, причем различающимся между собой группам дать, соответственно, различные названия. Эмпирическая проблема — установить, существуют ли в действительности контролирующие группы, а также выяснить, кем и что контролируется. От концептуального анализа мы требуем принципиальной схемы (a framework) и/или типологии, эмпирическая же задача состоит в том, чтобы выявить, какая контролирующая группа существует в том виде, как она определена, т. е. задана вмененными ей характеристиками. Неумение усмотреть и четко различить концептуальный и эмпирический запросы, как и неумение заняться ими в должном порядке: прежде концептуальным, чем эмпирическим, — породило "теоретическую литературу об элитах и власти,... вязнущую в невообразимой путанице" (Giddens A., in: Stanworth P., Giddens A. (eds.). Elites and Power in British Society. Cambridge, 1974, p. IX).

Критерии для выделения контролирующего меньшинства многочисленны. Два из них — первостепенной важности. Первый критерий — альтиметрический: контролирующая группа является таковой потому, что располагается — по вертикальному разрезу строения обществ — "наверху". Соответственно, мы можем сказать, что во всяком обществе власть находится у высшего властвующего класса. Согласно альтиметрическому критерию, предполагается: кто наверху, тот и "властвует" — предположение, основывающееся на том мудром доводе, что власть возносит наверх, а обладающий властью потому и обладает ею, что находится наверху. Может последовать возражение, что наш критерий работает благополучно, покуда перед нами пирамида власти, и не столь благополучно, когда перед нами "стратархия" (...), т. е. конфигурация власти без вершины (нестрогая и усеченная пирамида). Альтиметрический

критерий, однако же, применим и к стратархии при условии, что каждая страта (слой общества. — Ред.) будет иметь собственную "вершину" (и что будут приняты в расчет вытекающие из этого сложности). Заметим же, что в свете альтиметрического критерия всякое общество представляет собой стратархию и что складывающаяся в итоге стратократия может быть либо сконцентрирована в одной вершине, либо распределена между различными вершинами.

Альтиметрический критерий сводит дело к оправданию фактического положения вещей: кто наверху, тот наверху, а кто там находится — тот и "могуществен", он обладает властью и властвует. Но может ли этим все и исчерпываться? Средневековые и общества феодального типа основывались на том принципе, что каждый должен жить сообразно своему собственному статусу; однако уже в средние века были подвергнуты разбору и толкованию принципы *valentior*, *melior* и *sanior pars* (могущественнейшей, лучшей и разумнейшей частей. — Перев.). А старый режим был ниспровергнут как раз во имя того ценностного критерия, согласно которому вертикальная структура (*fabric*) общества должна быть вверена ведению достойнейших (признанных таковыми). Согласно этой более выигрышной точке зрения, некто не потому оказывается наверху, что обладает властью, а как раз наоборот — лицо обладает властью и находится наверху потому, что того заслуживает. Итак, другой критерий — критерий заслуги (*a merit criterion*).

Как эти два критерия переводятся на язык нынешней терминологии и как они ею выражаются? Поскольку возобладал в конечном счете термин Парето — элита (через посредство Лассуэлла, как мы увидим /... /), важно понять, почему Парето взял этот термин и как он его себе мыслил. В его "Трактате" ("Трактат всеобщей социологии". — Ред.) весьма четко сказано, что аттестация "элита" относится к людям высшего уровня "компетентности" ("*capacity*") в своей области деятельности (...) Но ближе всего к полному определению этого понятия Парето подошел в более ранней своей работе (...): "Эти классы ["люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества" и/или "так называемые высшие классы"] составляют элиту, "аристократию" (в этимологическом значении слова: *aristos* - лучший) Покуда сохраняется устойчивое социальное равновесие, большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами — неважно, хорошими или дурными, — которые обеспечивают власть" (...)

Несомненно, Парето остановил свой выбор на термине "элита" потому, что вместе с этим словом во французский и итальянский — два его родных языка — вносилась латинская коннотация *eligere* (слово подразумевает отбор, выбор с разборчивостью), а с нею вместе, хотя и опосредованно, изначальный смысл греческого *dristoi* — лучшие по достоинствам (не по рождению). Таким образом, вводимое Парето понятие является в первую очередь качественным, а имплицитно становится альтиметрическим. Без сомнения, эта импликация дает ключ к паретианскому "круговороту элит". В самом деле, когда заслуги и власть совмещены, мы наблюдаем состояние устойчивого общественного равновесия; когда они оказываются разведены — наступает неравновесие, порождающее круговорот: элиты "де-факто", т. е. альтиметрические, вытесняются элитами "по способностям", т. е. подлинными элитами. Хотя, таким образом, и можно сказать, что концепция Парето была и меритократической, и альтиметрической, тем не менее оба критерия связаны между собой именно в таком порядке, и победителем у Парето в конечном счете всегда в истории оказывается элита по способностям, а не элита у власти.

Лассуэллу, я полагаю, более, чем кому-либо другому, термин "элита" обязан своим утверждением в качестве общепринятой категории, применяемой при обсуждении конструкции, которую мы вслед за ним стали называть "моделью правящей элиты". Лассуэлл, однако, воспринял у Парето слово, но не понятие. Качественная коннотация термина "элита" у Лассуэлла исчезает. Одно из типичных для него определений гласит: "Политическая элита есть высший властвующий класс" (...) Это чисто альтиметрическая коннотация. В других случаях элита просто совпадает у него с "обладанием властью", как, например, в следующем определении: "Элиты — это обладающие наибольшей властью" (...) Здесь, как всякий легко убедится, налицо коренная трансформация концепции Парето — трансформация, достоинству которой противостоит не меньший недостаток. Достоинство — аналитического свойства, оно состоит в аналитическом преимуществе — в возможности отделить альтиметрическую характеристику (или охарактеризованное по признаку власти "де-факто") от качественного охарактеризования. Недостаток — семантического свойства: почему надо говорить "элита", совершенно не имея в виду того, что этот термин значит, т. е. выражает в силу своей семантической значимости? Далее, если "элита" уже не указывает на качественные черты (способность, компетентность, талант), то какой же термин мы употребим, когда эти характеристики будут иметься в виду? Таким образом, семантическое искажение, описав круг, возвращается, чтобы породить, в свою очередь, искажение концептуальное (...)

Если бы я сейчас взялся конструировать, или реконструировать, общую схему, в рамках которой формулировки губят ядро концепций, это завело бы меня слишком далеко. Позволю себе просто закрепить в форме резюме развиваемые выше положения. Во-первых, нашим предметом является контролирующая власть контролирующих групп. Представляется, что в данной формулировке лучше, чем в какой-либо другой, концентрированно выражена суть проблемы. Во-вторых, если мы хотим дальнейшего усовершенствования концепции Парето с помощью Лассуэлла и, наоборот, если мы хотим подправить Лассуэлла с помощью Парето, тогда следует проводить различие, как терминологически, так и концептуально, между властной структурой и элитной структурой. Не все контролирующие группы являются по определению либо в силу той или иной необходимости "элитными меньшинствами" (в паретианском первичном смысле); они могут представлять собой просто "властные меньшинства" (в лассуэлловском смысле). Коли так, будем их так и называть; ибо если не провести разграничения в названиях, неизбежно окажутся перепутаны и оба явления. Пора приступить к нормативному определению демократии как системы управления. Хотя к этой проблеме редко обращаются непосредственно, именно она обнаруживается за

нашим отношением к оценке руководства. Являются ли элиты и руководящие меньшинства необходимым (или даже не необходимым) злом или же они представляют собой насущное и благотворное достояние? В конце концов альтернатива такова: придавать ли меньше значения руководству или ставить его значение высоко?

Ряд авторов, высказывающихся в пользу второго варианта, внушителен как по своей протяженности в историческом времени, так и по незаурядности состава. Из древних не кто иной, как Фукидид, напоминает нам, что величие Афин достигло высшей точки при Перикле именно потому, что "его высокое достоинство, одаренность и прославленная честность позволили ему самостоятельно руководить людским множеством" ("История Пелопоннесской войны"). Когда более двух тысячелетий спустя мы у себя начали все заново, Брайс подытожил опыт своего времени в следующем лаконичном изречении: "Пожалуй, никакая форма правления столь не нуждается в великих лидерах, как демократия" ("The American Commonwealth", 1888). Еще около полувека спустя (...), после падения демократии в Италии, Германии и Испании де Мадариага писал: "Вопреки внешней видимости, либеральные демократии даже в еще большей степени, чем иные, более авторитарные формы правления, зависят от руководства; ибо... их естественная тенденция к ослаблению пружин политической власти (authority) должна уравновешиваться более высоким уровнем авторитета на стороне их руководителей" (Madariaga S., de. Anarchic ou Hierarchie. P., 1936, p. 56). В те же годы Карл Маннгейм пришел к тому же заключению: "Недостаток лидерства в прежнем либеральном массовом обществе можно диагностировать как результат перемены к худшему в отборе элиты... Именно эта общая недостаточность руководства предоставляет группам с диктаторскими амбициями благоприятную для них возможность" (Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction., L., 1940, p. 87). Линдсей в одном классическом тексте 40-х годов, когда вторая мировая война была на переломе, размышлял: "Чтобы устоять, демократия должна будет использовать и приспособлять к делу любое и всяческое умение, знание и руководство, какое только сможет оказаться в ее распоряжении. Без знания и умения, дальновидности и руководства невозможно содержать этот сложный взаимозависимый мир, в котором мы живем. Всякое возведение в культ некомпетентности способно лишь привести к катастрофе (Lindsay A. D. The Modern Democratic State. L., 1943, p. 261). Тема возникает вновь у В. О. Ки, автора, который наилучшим образом отстаивает тезис о благоразумии электоратов: "Решающий элемент, от которого зависит благополучное состояние демократического порядка, складывается из убеждений, норм (standards) и компетентности тех, кто в пределах данного порядка выступает носителями влияния, лидерами мнения, политическими Активистами... Если демократия проявляет неуверенность, клонится к упадку и катастрофе, то это идет именно отсюда" (Key V. O. The Responsible Electorate. — In: Public Opinion and American Democracy. Cambridge, Mass., 1966, p. 558). Со своей стороны, Дэниэл Белл высказывается об этом так: "Всякая оценка способности общества справляться со своими проблемами зависит от качества его руководства и характера народа" (The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976, p. 204). Вее, кто нами процитирован (а их ряд можно еще долго продолжать), — это авторы, пользующиеся уважением. Вряд ли можно сомневаться в том, что их слова правдиво отражают урок, извлеченный из опыта и из поистине длительного, глубокого, а часто и болезненного процесса обретения знаний. Между тем, однако же, если взглянуть на теорию демократии в целом, то нельзя сказать, чтобы идея, проповедуемая в приведенных цитатах, вошла в нее, обретая теоретический статус; высокая оценка значения руководства остается чем-то побочным, не вызывая значительных теоретических последствий. И это — совершенно безотносительно к нападкам антиэлитистов. В предшествующих главах я подробно останавливался на взаимодействиях между инертностью фактов и напряженностью идеалов, и моим лейтмотивом была мысль о том, что демократии нужен как реализм (осведомленность в фактах), так и идеализм (ценностное воздействие на факты). В соответствии с этим, а также последовательности ради, я теперь ставлю вопрос: как же проявляет себя вертикальная проблема демократии, будучи поверяема на этих оселках? Ответ прост: она никак себя не проявляет. Очевидный факт состоит в том, что идеалы демократии остались в большей мере тем же, что они представляли собой в IV в. до Р. Х. (за одним важным исключением: стала "цениться" отдельная личность (...)). Но это исключение не имеет касательства к настоящему рассуждению). А если идеалы демократии — это все еще в основном греческие ее идеалы, то, значит, они адресуются к прямой, а не к представительной демократии. Это означает, что и сегодня деонтология и ценностное воздействие демократии апеллируют только к горизонтальному измерению политики. Конечно, были и у греческого полиса магистраты (латинское наименование. В Афинах это были архонты, в Спарте — эфоры и т. д. — Ред.), и он обладал некоторой минимальной вертикальностью. Однако сравнивать вертикальное измерение античной полисной демократии с вертикальным измерением представительной демократии национального масштаба — все равно что сравнивать венецианскую колокольню с Эверестом. Поразительный факт, стало быть, состоит в том, что мы создали представительную демократию — сотворяя тем самым то почти-чудо, которое Руссо объявлял невозможным, — без ценностной опоры. Мало того, что воздвижение крупномасштабной вертикальной демократии не вдохновлялось соответствующим идеалом; те идеалы, что имеются, — как мы это вновь обнаружили в 60-е годы — могут за одну ночь превращаться в "боевой клич" против представительной демократии. Наименьшее, что можно сказать: демократия в вертикальном своем измерении по сей день остается без-идеальной; и хуже всего то, что в наших идеалах она легко обнаруживает идеалы ей враждебные.

Очевидно, что прямая демократия (будь то в прошлом или в настоящем) не нуждается в ценностном воздействии по вертикали, для которого в ней и места нет. Но должно быть столь же очевидно, что мы давно и окончательно переросли греческий трафарет. Сколько бы мы ни преуспели в возрождении малых образований прямой демократии, остается фактом, что такие — непосредственные — демократии могут лишь входить в качестве частей в более крупные единицы, являя в конечном счете микросоставляющие одного

большого целого, которое всегда есть непрямая демократия, строящаяся на вертикальных процессах. Если дело так и обстоит, то следует ли нам указанные процессы предоставить их стихийному (martial), "грешному естеству"? Может ли, соответственно этому, наш подход к будущему строиться просто на оживлении идеалов прошлого — идеалов, которым чужды проблемы представительной демократии? Именно так, по всей видимости, считают антиэлитисты и, говоря более общо, новые левые, ибо как суть, так и предлагаемое ими средство воплощения их идей составляет простой, в чистом виде, возврат к горизонтальной политике и ее широкое развертывание.

Опасаясь быть неверно понятым и пытаюсь — пусть даже тщетно — этого избежать, подчеркну, что если существует (а она существует) слишком лицеприятная литература о демократии, где проводится мысль, что мы показываем себя настолько хорошо, насколько позволяет человеческое несовершенство, то такого взгляда я не разделяю. Если бы я не испытывал неудовлетворенности тем, как работают наши демократии, я довольствовался бы демократией в дескриптивном (описательном) определении ее — как диффузной, открытой системы контролирующих групп, конкурирующих между собой на выборах, и, таким образом, избавил бы себя от труда продвигать разработку нормативной проблемы в том направлении, в каком я сейчас ее продвигаю.

В дескриптивном плане, я сказал, демократия есть выборная полиархия. Но чем ей должно быть? Если полиархия есть фактическое положение вещей, то какова же, соответственно, ее деонтология, каково нормативное положение вещей! Вопрос, по сути, не только в том, способна ли в конечном счете представительная демократия работать — и, оправдывая соответствующие надежды, работу свою улучшить, — не неся в себе собственного ценностного воздействия; вопрос, причем даже еще более настоятельный, в том, как она может продолжать работать, сталкиваясь с тем ценностным воздействием, которое все более обесценивает вертикальное измерение.

Это обесценение с очевидностью удостоверяется текущим состоянием нашей лексики. Группу слов, характерным образом адресующую к вертикальному измерению, составляют термины: "выборы, избрание" ("election"), "элита" ("elite") и "отбор, подбор" ("selection"). Все эти термины изначально понимались в смысле оценочного просеивания. "Избрание" означало на протяжении примерно пятнадцати веков качественное выделение, отбирание — как, например, в слове "избранные", т. е., на языке протестантизма, призванные Богом. Слово "элита" производно от того же корня и было пущено в оборот (когда слово "аристократия" утратило первоначальный смысл и стало просто обозначать сословие) именно для обозначения "лучших", *aristoi*, отборной части (это и было, как мы знаем, то значение, в котором Парето взял данный термин на вооружение). Термин "отбор, подбор" (...) постепенно подключается к термину "выбирать, избирать" (когда слово "выборы" становится специфическим термином для обозначения акта голосования) в передаче идентичного значения: отбирание, избрание, выбор по признаку совершенства или пригодности. В нынешнем языке политики все эти коннотации либо утрачены, либо подвергаются нападкам. Термин "выборы, избрание" сведен к одному лишь значению — простого акта голосования. "Отбор, подбор" означает уже едва ли что-либо большее, чем простое волевое предпочтение, — да и то лишь когда его не толкуют превратно, в предосудительном смысле, как проявление "дискриминации". Следовательно, на нашем языке "избранные" — это просто лица, которые в результате голосования прошли на должности; а слова о том, что избранные должны быть "отобранными", скорее поразят наш слух как избыточная синонимика, чем будут восприняты как ценностно значимая оговорка. Наконец, "элита" сначала преобразуется Лассуэллом в нейтральное слово, а затем у нынешних антиэлитистов становится словом бранным. В обоих случаях термин "элита" — вопреки самому смыслу его существования — ассоциируется с властью имущими и/или с привилегированными.

В указанных трансформациях можно усмотреть органическое продолжение того идеологического извращения языка, которое так хорошо проследил и проиллюстрировал Оруэлл (...) Но если это и верно в отношении позднейших эксцессов, все же трансформации, о которых идет речь, главным образом отражают горизонтально-ценностное видение политики. Как бы то ни было, мы оказываемся в порочном круге, который, ускоряясь, превращается в порочный водоворот. При отсутствии ценностных коннотаций мы получаем ценностный вакуум; а когда положительное слово инвертируется в негативное, мы остаемся с лексикой, которая только предубеждение и может выражать. В конце концов дело оборачивается тем, что реальность, за неимением годных к соответствующему употреблению слов, остается аксиологически невосприимчивой. Из этого порочного водоворота нельзя вырваться, если вновь не ввести в оборот (to the fore) аксиологический элемент, что, в свою очередь, можно осуществить, лишь восстановив выражавший его язык. Начну с "отбора, подбора". Здесь дело отнюдь не безнадежно: это только в политике — что весьма показательно — термин если и не искажался, так превращался в нейтральный (...) Многие, кто пользуется терминами "избрание" и "отбор, подбор" как взаимозаменяемыми, в любых неполитических областях [дискурса] автоматически переключаются на оценочное значение. Научному учреждению, чтобы быть научным, требуется "подбирать" свой штат.

Предполагается, что "подбор" кандидата на место в академии означает, что выбранный является лучшим. Когда фирма набирает работников, она осуществляет их "отбор", а иначе, вероятнее всего, в скором времени выбывает из сферы бизнеса. Неужели же демократическая политика — дело настолько простое или в корне настолько отличное от других происходящих в обществе процессов, что здесь отбор есть нечто излишнее либо даже греховное? Если же все-таки нет, то пусть мое первое аксиологическое определение прозвучит так: Демократия должна представлять собой селективную (основанную на избирательности, отборе, подборе. — Ред.) систему конкурирующих избирательных меньшинств. Пусть оно будет сформулировано также и по-другому, еще короче (и симметрично дескриптивному определению): Демократия должна представлять собой селективную полиархию.

Если вдуматься, "селективная полиархия" — выражение уже само по себе сильное, полное смысла. Тем не менее нельзя рассчитывать, что его смысловая наполненность легко заговорит и сама обо всем расскажет. Чтобы плыть против приливной волны языкового ужюбства, требуется постоянное усилие. Поэтому я теперь собираюсь сменить направление атаки и рассмотреть ту же проблему под углом зрения проблемы равенства. Ясно, что наш способ трактовки вертикальной проблемы демократии решающим образом зависит от того, как мы трактуем понятие равенства. Впрочем, данная связь становится не столь ясна, если привести тот довод, что равенство, представляя собой важнейшую ценность горизонтальной демократии, в силу этого как раз тем более не является и не может являться важнейшей ценностью вертикальной демократии (для которой такая ценность — свобода). Пусть даже так, но я все-таки хочу задаться вопросом, может ли понятие равенства — и каким образом — вписаться в вертикальное измерение.

Монтескье повторял уроки Платона и Аристотеля, когда писал, что "принцип демократии извращается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но и тогда, когда утверждается дух предельного равенства и каждый хочет быть равным с теми, кого он выбирает себе в правители". Таким образом, добавлял Монтескье, "демократия должна избежать двух крайностей: духа неравенства, ведущего к правлению одного человека, и духа предельного равенства, ведущего к деспотизму одного человека" ("О духе законов", кн. VIII, гл. II). Руссо, хотя и был его противником, высказывал похожую мысль, утверждая, что "это явно против законов природы — как бы мы их ни определяли, — чтобы... глупец руководил мудрецом" ("Рассуждение о неравенстве", заключительная фраза). Но дело в том, что, как бы мы ни определяли глупца и мудреца, мы постоянно кому угодно даем оценку: "так себе" (not "worth much"), или, напротив: "превосходный" ("first rate"). Применяются критерии, которые дела не решают. (Не вдаваться же в тонкости критериев совершенства, чтобы констатировать, что люди таким вот образом ранжированы.) Поскольку люди являют огромное разнообразие, индивид сплошь и рядом мерит другого на свой аршин. Тем не менее мы все-таки непрестанно судим и оцениваем других как людей превосходящих, равных или низших качеств. Означает ли вышесказанное, что мы очутились в царстве, откуда равенство изгнано? Нет, необязательно. Я бы, скорее, выразил суть дела так: устремлять ли движение к равенству в направлении высшего, или же низшего уровня — вот какой ныне перед нами выбор.

Когда доходит до этого выбора, антиэлитисты фактически, пусть даже непреднамеренно, нажимают на акселератор уравнивания в направлении низшего уровня, ибо ценят только горизонтальную концепцию демократии, на чем явственно основывается их позиция. Но вот действительно ли "элитисты" обосновывают каким-либо адекватным образом противоположный выбор — движение к равенству в направлении высшего уровня? Это поистине интригующий вопрос. Поскольку так называемые элитисты не представляют собой группы, которая каким-либо образом держалась бы вместе, и так как мы не знаем даже, какой критерий определяет элитиста как такового, у нас остается вместо путеводной нити лишь одно: возможность проследить за тем, кто в каком значении (значениях) употребляет термин "элита". Я уже отмечал в данной связи, что Лассуэлл изменил значение, в котором термин фигурировал у Парето, превратив "элиты" в чисто альтиметрическое понятие, определяемое как "обладающие наибольшей властью", "высший властвующий класс" или "власть имущие данного государства" (...), и что это — серьезное, семантическое изменение. По всей вероятности, Лассуэлл свел термин "элита" к значению "обладающие властью" ради Wertfreiheit, т. е. ради соблюдения принципа свободы от оценочных суждений; даже если так, все же, придавая "элите" нейтральную коннотацию, он взял на себя излишний труд, и при этом сам создал трудность; он взял на себя излишний труд, т. к. мог воспользоваться каким-либо из уже существующих нейтральных терминов. У Моски, термин "политический класс" вполне свободен от оценочности. Властвующая группа, контролирующее меньшинство, власть имущие — все это тоже свободные от оценочности термины. Трудность же он создал, по крайней мере для теории политики, тем, что введенное им переопределение лишило этот терминологический ряд единственного остававшегося в нем ценностно нагруженного термина.

Если элитам, специфически политическим элитам, определение дается просто по признаку обладания властью или по альтиметрическому основанию, то уже само по себе такое определение мешает рассмотреть противоречие между элитными качествами (и стандартами), с одной стороны, и властными позициями (неравномерно уподобляемыми элитным позициям) — с другой. В результате от исследователей элит ускользает фундаментально важная искомая истина — а она не в том, что существуют власть имущие, и не только в том, плюральна ли властвующая элита (элиты) (согласно теории элитного плюрализма. — Ред.), а в том, в конечном счете, представлены ли в лице власть имущих элиты подлинные или лишь выдаваемые за таковые. (Интересно отметить, что все это, равно ускользая от элитистов и антиэлитистов (...), составляло, однако, предмет серьезного интереса Ч. Райта Миллса, который четко различал властвующую и интеллектуальную элиты и нацеливал поиск на постижение подотчетности первой по отношению к второй. См. Mills Ch~W. The pauses of World War Three. N. Y., 1958, chap. 7). Итак, скрытый смысл, который Неизбежно таит в себе лассуэллианский подход, состоит в конечном счете в том, что этот подход либо безосновательно вменяет ценностное достоинство элиты всякой властной структуре, какая только существует, либо обесценивает все то в ней, что может таким достоинством обладать, либо, наконец, совмещает в "нечестивом союзе" то и другое. Отсюда мы можем прийти к безраздельному освящению статус-кво или, наоборот, к полнейшей его профанации. В первом случае наилучшее оправдание для своих нападок находят антиэлитисты, во втором — их естественные предшественники. В обоих случаях мы грешим смешением факта с легитимностью, а в принципе также и тем, что выхолостили ценностное содержание ценностной проблемы.

Вернемся к проблеме выбора между направлениями к высшему или же к низшему уровню в движении к равенству. Мы остановились на том, что если антиэлитистская позиция может способствовать (каковы бы ни были намерения) лишь уравниванию по низшему уровню, то интригующий вопрос в том, действительно ли

предполагаемых элитистов заботил противоположный выбор — движение к равенству в направлении высшего уровня. Отчасти на вопрос уже отвечено: лассуэллианская школа, если судить по ее теории элиты, не проявляет такой заботы. А остающаяся часть ответа такова же, поскольку в последние десятилетия в теории демократии упор всюду делался на горизонтальной демократии; а чем больше демократия мыслится нами единственно в горизонтальном измерении, тем больше мы имеем (перефразируя Маркузе) одномерную демократию, которая соответствует в высшей степени обеденному одномерному равенству.

Конечно, в публикуемых работах авторы продвигаются вперед — от "равенства власти", понимаемого как горизонтальное равенство (равная власть демоса), к "равенству возможности", т. е. к равенству, предполагающему вертикальные процессы. Однако равные возможности указывают на некоторый начальный момент, на исходное, а не конечное состояние. Если нас интересует, какой ценностный смысл несет в себе каждый тип равенства, то, думается, равенство возможности, оправдывая продвижение, выход в люди (an emerging), не обязательно придает такому выходу в люди ценностное качество. Представляется поэтому, что равенством, которое решающим образом качественно определяет (centrally qualifies) вертикальные процессы и технологию демократии, является "равенство по основанию достоинств", т. е. аристотелевское соразмерное равенство. Для того чтобы равенство понималось как возвышающая ценность соответствующая такому назначению максима такова: равным — равное (The same to same), иными словами, каждому — по его заслугам, способностям или таланту (...)

Сформулированное выше нормативное определение гласило: Демократия должна представлять собой селективную полиархию. Его можно теперь дополнить следующим определением: Демократия должна представлять собой полиархию по основанию достоинств. Нас может оставить равнодушным довод, что уравнивание неравных талантов не являет собой справедливое, но представляет несправедливое равенство. Однако уж вряд ли можно подвергнуть нападкам тот аргумент, что равенство по основанию достоинств (соразмерно компетентности) благотворно для общества в целом, тогда как равенство по основанию недостатков (неравным — равное положение) есть равенство, выполняющее вредную службу, коллективно пагубное равенство. По формулировке Роулса, "социальное и экономическое неравенства должны быть приведены к такому порядку, (а) при котором можно с разумным основанием ожидать, что оба вида неравенства пойдут на пользу каждому, и (б) при котором оба они затрагивают положения и должности, открытые для всех" (Rawls J. A. A Theory of Justice. Cambridge, Mass., 1971, p. 60). Что ж, если бы все было приведено к такому порядку, это была бы достаточно выразительная картина полиархии по основанию достоинств. Развернутое выше изложение вызовет, наряду с прочими, и то нарекание, что на слишком уж абстрактном уровне это изложение парит. Вопрос, который особенно необходимо поставить, чтобы придать аргументации известную конкретность, таков: равенство [по основаниям, применяемым] в соотношении с кем? А чтобы ответить, я намерен обратиться к понятию референтной группы, точнее — к элите (в исходном значении термина), понятой как референтная группа. Связь здесь та, что термин "элита", выражая идею "достойный избрания", указывает тем самым на референтную группу — и именно ценностную референтную группу. (Заметим, что, как и в случае с "отбором, подбором", термин "элита" оказался лишен ценностного значения только в сфере политики. Когда мы говорим, например, об элитах интеллектуальных, исходная коннотация остается). Стало быть, на вопрос: "равенство в соотношении с кем?" — можно ответить: в соотношении с ценностными параметрами элиты. Подразумевается, что конкретные элиты вовсе не состоят из власть имущих (из тех, кто фактически составляет политический класс) и не совпадают с ними. Отнюдь: при подходе, основанном на использовании референтных групп, конкретные группы находятся под постоянным пристальным наблюдением; с них снимаются "эталонные данные", формируемые на основе их добродетелей, если — и только если — у них есть добродетели. Мы можем резюмировать суть дела так: Равенство конкретно вызывает возвышение, ценностное продвижение, будучи увязано с "элитой", — если [последний] термин толковать в смысле референтной группы, включив его в референтную теорию элит.

Поскольку мы проделали в этой главе немалый путь, воспроизведем нить нашего рассуждения. Когда мы начинаем рассматривать демократию как систему управления, мы сталкиваемся с проблемой контролируемых групп и руководства. Один способ отношения к проблеме — признание того, что власть распределена неравномерно, что существуют властвующие группы и что они, по всей вероятности, будут существовать и впредь. Это можно назвать реалистической позицией; и мое возражение по данному поводу состоит не в том, что тут что-либо не так с фактической стороны (empirically), а в том, что такая позиция оставляет все как есть. Противоположный способ отношения к проблеме виден на примере антиэлитистской позиции; и здесь мое возражение сводится к тому, что отдельным достижениям полемического свойства в активе антиэлитистской позиции противостоит намного более серьезная ущербность ее по части глубины. Не должно быть заблуждения на тот счет, что, ценностно развенчивая меритократию (термин, обозначающий политико-социологическую и социально-философскую концепцию, отчасти развиваемую и Дж. Сартори, а по буквальному содержанию знаменующий идею (идеал) власти, основанием для приобщения к которой служили бы достоинства, заслуги. — Ред.), мы получаем просто-напросто иммеритократию (т. е. прямую противоположность идеалу меритократии, — Ред.); ценностно развенчивая отбор, подбор, мы получаем просто неизбирательность (dissemination); а ценностно развенчивая равенство по основанию достоинств, мы получаем просто равенство по основанию недостатков.

Если сориентировать обсуждаемый предмет на перспективу, то уместно поставить вопрос: откуда исходят уже существующие и надвигающиеся новые угрозы демократии как политической форме? От какого-либо вида "правления меньшинства"? Не думаю. Ибо очевидный факт состоит в том, что все демократические правительства — некоторые в большей, некоторые в меньшей степени — переживают убыль авторитета (are in loss of authority) и находятся под натиском непомерного количества требований, которых не в состоянии

принять к выполнению. Кстати, перегруженность не означает большого объема управления. Хотя первое, может быть, и облегчается вторым, все же одно отнюдь не обязательно предполагает другое. Итак, мы живем в условиях демократии, постоянно испытывающей затор, находящейся под давлением с разных сторон, характеризующейся низкой способностью к управлению, т. е. нестойкостью в отношении предъявляемых ей требований и слабой способностью к принятию и осуществлению решений. Для 60—70-х годов наиболее типичны были нерешительность, недальновидность и чрезмерные расходы (...) Не во всем приведенный перечень вызывает непременно неудовлетворенность. Фактически все это убедительно свидетельствует — вопреки противоположным утверждениям перфекционистов, сторонников концепции участия и популистов, — что представительная демократия вовсе не подделка, вовсе не такая политика, где народ лишен своей власти. Ибо все это подтверждает, до какой степени представительная система связей максимизировала момент отклика (responsiveness). Однако отклик, отзывчивость — лишь один из элементов представительной системы управления.

Правление, которое просто уступает требованиям, просто соглашается, — такое правление оказывается в высшей степени безответственным, не оправдывающим своих ответственных обязательств. Тот, кто представляет, несет ответственность не только перед кем-то, но и за что-то. Можно в этом смысле сказать, что представительство по самой своей сути складывается из двух составных элементов: отзывчивости (отклика) и самостоятельной ответственности. И чем более системы управления становятся отзывчивыми на что-то в ущерб своей ответственности за что-то, тем вероятнее мы окажемся с плохим управлением или вообще без управления. А это, опять-таки, значит, что чем дальше мы зашли в отзывчивости, тем сильнее необходимость в самостоятельной ответственности — в чем реально и состоит руководство.

Мы, таким образом, возвращаемся к вопросу, с которого начали, а именно: является ли руководство неотъемлемым элементом демократии. Старая, но ныне с новой энергией высказываемая точка зрения состоит в том, что в руководстве есть нужда лишь постольку, поскольку остается второстепенной роль народа. Этому охотно аплодируют. Если бы, однако, те, кто выступает с изложением такой точки зрения, сами в нее верили, тогда почему бы не заменить руководителей "администраторами", назначаемыми по жребию? Подождем, пока такая альтернатива будет поставлена на испытание, а я тем временем завершу свое резюме.

Осуществляя у себя демократию, определяемую как выборная (elective) полиархия, мы не обращаемся тем самым к налаживанию "хорошего" функционирования системы, т. к. соперничество на выборах не обеспечивает качества результатов, а только демократичность способа их достижения. Остальное же — то, насколько ценен конечный результат, — зависит от качества (не только от отзывчивости) руководства. Однако, хотя сплошь и рядом признается жизненно важная роль руководства, тем не менее оно получает в теории демократии лишь весьма незначительный статус. Мой поиск вертикального нормативного определения представляет собой попытку продвинуться в решении данной проблемы. С этой целью я предложил референтную теорию элит и два кратких (shorthand) определения, которые, по замыслу, должны усиливать друг друга, а именно: демократия должна представлять собой (а) селективную полиархию и (б) полиархию по основанию достоинств (заслуг). Как выразился Джон Стюарт Милль: "Когда нам хочется иметь хорошую школу, мы не сбрасываем со счетов учителя" (...) Многого или немного стоят данные предложения, в любом случае не уйти от сути проблемы, заключающейся в том, что вообще теория демократии не спроецировала равенство как ценность на вертикальное измерение. Если бы было вообще возможно свободное от руководства общество, мы могли бы поистине радоваться; в этом отношении мы в последнее время славно себя показывали. Ну, а если отсутствие руководства или безлидерство — все-таки отнюдь не выход, тогда наше нынешнее принижение элит или опасения перед ними представляют собой анахронизм, который не дает увидеть стоящие перед нами проблемы и грозящие опасности. Чем больше мы теряем из виду демократию так систему управления, тем больше осложняются наши затруднения и тем неотступнее они нас одолевают.